

Борисенко Сергей Николаевич

Покров

Житейские истории

16+

Сергей Николаевич Борисенко

Покров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63644696

SelfPub; 2021

Аннотация

В жизни всегда возможно встретить очень много интересного и занимательного. Присмотритесь к окружающей вас природе, людям близким для вас и совершенно незнакомым и вы всё это увидите собственными глазами.

Сергей Борисенко

Покров

Покров. Фенологический рассказ.

Часть 1. Шаман.

Конечно, он не был настоящий шаман, но...

Мне довелось быть знакомым и даже вместе работать с одним пожилым мужчиной, который вел наблюдения за природными явлениями и строго их описывал с коротким временным промежутком. Он вел скрупулезно свои записи, не пропуская ни единого дня, в течении многих десятилетий. В его рабочем столе хранились исписанные мелким каллиграфическим почерком девяносто шести листовые тетради, разложенные по годам, как многотомное собрание сочинений.

За долгие годы записи сложились в строгую схему. Указывалась дата, время наблюдения и точное состояние погоды. Не только привычные облачность, температура, давление, наличие осадков, но и такие, какие обычно замечают фенологи: начало и окончание таяния снега, появление первой травы, срок распускания почек на деревьях... Возможно он записывал какие – то ещё, интересующие только его, данные.

Многие знали об этом его увлечении и любили применить на практике. Обращались к нему охотники, рыбаки, планируя свои вылазки на природу. Чаще всего обращались устав-

шие от долгой сибирской зимы дачники. Им сильно хотелось, чтобы настала весна, прошел ледоход на реке, а с ним ушли и последние холода.

– Мефодьич! Скажи, когда Томь пойдет в этом году.

Он никому не отказывал с ответом, а садился за свои записи и принимался «шаманить». Начиналось таинство сотворения погоды:

– Осенью деревья пожелтели 12 сентября, лист березы пал 28 сентября, первое зазимье случилось третьего октября, лед встал... 13 ноября. Всё это он записывал на отдельный листок, а затем начинались поиски по многолетним записям.

– Так. Точно такая осень случилась в 1946 году. В 1947 году река пошла 28 апреля. Значит и в этом году также пойдет.

– Мефодьич! Да ты что? Вроде теплынь установилась, никак ты ошибся!

– Это вы ошиблись и забыли, где живете. Сегодня плюс 12, а завтра минус 10 и все ваши ожидания весны на этом завершатся. Сказал, что Томь пойдет 28 апреля, значит так и будет, а не нравится, что я ответил иди и слушай, что тебе профессиональные метеорологи скажут. А они говорят, что ожидают ледоход на Томи в районе Томска в период между 20 и 30 апреля. А я называю тебе точную дату!

И ведь ни одного случая не было, чтобы он ошибся хотя бы на день!

Много уже лет прошло с той поры. Не стало завода, на

котором мы работали, не стало и самого Мефодыча, неизвестно где все его записи. Пожалуй, их тоже не стало.

А вдруг они всё же сохранились и ждут продолжения своей такой интересной жизни. Ведь неспроста сказано, что рукописи не горят!

Часть вторая. На Покров до обеда осень, а после обеда зима.

Случилось мне как-то, ещё в студенческие годы, наблюдать в Томске аномальную осень.

К началу занятий, в самом начале сентября похолодало на несколько дней, прошли небольшие дождички, а затем установилась чудесная «золотая осень». Она была «золотой» не только по окружающей красоте, а ещё и потому, что в хорошую погоду крестьяне убрали быстро и качественно весь свой урожай почти без привлечения нас – студентов в помощь. Мы ходили на занятия, выполняли задания и понимали, что обычный для осеннего семестра цейтнот в этом году нам не грозит. Это было приятно! Но самое приятное было в том, что не приходилось мерзнуть в общежитии, в учебных корпусах, на улице...

Осенью это была обычная практика. Отопление и горячая вода отсутствуют, окна без стекол и свистят сквозняком, ноги в вечно промокшей обуви, постоянно влажная верхняя одежда просыхает только на тебе в течении дня, а ночью вновь набирает в себя влагу из сырого воздуха и утром приходится одевать сырую и холодную одежду на слегка теп-

ленькое после сна тело.

А тут! На улице тепло, обувь сухая, в корпусах и общежитии тепло. В полном безветрии с деревьев осыпаются «медные» листья и, падая на землю, звенят звонкой монетой. По ночам не мерзнешь на тонком матрасе под казенным суконным одеялом.

Все расслабились будто в Томске полностью отменили зиму на этот год. На занятия рано утром бежали в одних пиджачках или в легоньких курточках – ветровках, а среди спешащей толпы встречались и вовсе в рубашках и без пиджаков.

Так продолжалось до конца сентября. Потом начался октябрь, но ничего не изменилось. Утром яркое чистое солнце, пробиваясь сквозь сильно поредевшую листву, нас будило и звало на учебу. Мы быстро приводили себя в порядок, завтракали и как можно быстрее выходили на улицу, чтобы, не торопясь прогуляться свежим, теплым утром по давно натоптанной «дороге к знаниям»: через дворы на улицу Пирогова и далее вниз по Аркадия Иванова к шестнадцатому корпусу института.

По пути мы проходили мимо небольшой стайки старых деревянных домов, где люди жили деревенским укладом и всегда по утрам выходили из своих дворов, кучковались на перекрестке и не обращая внимания на прохожих, обсуждали свои житейские проблемы.

Проходя мимо пожилых теток, не взирая на погоду оде-

тых в фуфайки, валенки с галошами и укутанные в толстые платки, до моего слуха доносятся слова:

– Вот ведь что понаделали с природой! Своими самолетами да ракетами продырявили всё небо, с погодой невесть что происходит... Сегодня «Покрова Господне», а снега нет!

Немного отойдя от кучки беседующих, я говорю:

– Слышали, парни? Сегодня Покров.

– А что это такое?

– Вообще это какой – то праздник церковный, я не знаю точно, но в этот день, по идее, земля покрывается снегом.

– Да ну! Какой тут снег! Еще утро, а уже градусов пятнадцать тепла.

За такими разговорами, которые свелись к тому, что «попы всё врут и природой они командовать не могут» мы пришли на занятия.

Первая пара – лекция.

Начало лекции – солнце. Невозможно смотреть на учебную доску. Солнце заливало все окна, и аудитория утопала в его лучах. Доска у преподавателя сияла всеми цветами радуги, не давая сверить свои записи с записями на ней.

В короткий перерыв мы выскочили на улицу, покурили и бегом на вторую половину пары.

Второй час лекции начался сразу с изменений в погоде. Откуда – то

моментально взявшиеся тучи закрыли полностью все небо и к окончанию лекции задул сильный ветер.

Всю вторую пару на улице лил сумасшедший дождь, можно даже сказать ливень.

Начался он с грозы. Гроыхающий гром заглушал речь преподавателя, а вода лилась сплошным потоком, усиленная неутихающим ветром. В перерыве мы на улицу курить не пошли, спрятались в курилке, а кто выскакивал на улицу возвращались с плохой вестью: на улице холодно!

В самом начале третьей пары дождь прекратился, но ветер не успокоился, а нес уже срывающиеся с неба снежинки. Еще стекающая по стеклам вода моментально замерзала на подоконниках огромными сосульками. В перерыве между часами лекции мы с тоской смотрели в окно, где еще утром чистые от снега сухие тропинки заметало снегом «нового урожая».

С занятий пришлось возвращаться зимой! Снег не просто лег. Его было столько, что наши осенние туфли тонули в наметенных сугробиках. Легкие брюки, пиджаки и курточки продувались насквозь. В непокрытых головах набивался снег, таял и холодными струйками сбегал по спине и груди. От этого промокли рубашки и даже брюки. Руки замерзли до того, что нести портфели было невыносимо холодно.

Схватив в охапку портфели, прикрываясь ими, как только возможно от встречного ветра и снега, по той же самой «дороге знаний» мы уже без всякого утреннего вальяжа бежали в обратном направлении как можно скорее, чтобы укрыться в родном общежитии.

Назавтра на улице легла зима, а вместе с нею слегла в постели и добрая половина студентов, простывших днем ранее.

Часть третья. Резюме.

Веришь ты в народные приметы или не веришь, но, когда на улице бушует гроза, на всякий случай, осени свой лоб крестным знамением.

06.02. 2020

Дядя Саша

Он проработал на одном и том же заводе всю жизнь, да что там на заводе, в одном и том же цехе. Менялись начальники цеха, номера цеха, люди, а Александр Михайлович Папин все время был на своем производственном посту. Со своего подросткового возраста дожил до пенсионного и только тогда сменил работу станочника на выполнение другой, не менее важной. Он стал слесарем – инструментальщиком в том же самом, родном ему цехе.

Отличался Александр Михайлович постоянством во всем, не только в работе.

Не смотря на многолетнее заслуженное уважение, настоящий друг у него был всего один, тоже Александр, но Федорович. Одно у него было и увлечение, правда это увлечение они с другом делили на двоих. Оба очень любили лес, любили просто гулять по лесу, но это бестолковое времяпрепровождение было не в их натуре. В лес они ездили «по грибы».

Причем исключительно по грибы. А вот сбор, скажем, лесной ягоды оба считали «бабским занятием».

Сбор грибов для двоих дедов был и предметом дружбы, и предметом непрекращающихся шуток, которые на радость всему цеху они отпускали в адрес друг друга.

– Слушай, Федорович! Как же так, столько лет ездим с тобой в лес, в одно и тоже место, а ты леса – то не знаешь?

– Это кто это не знает?

– Ну ты же и не знаешь! Смотрю это я, пора бы уже домой ехать, а Федоровича всё нет. Поехал его искать, а он, оказывается, дорогу с просекой спутал и тыкается носом в сосны вдоль просеки, мотоцикл свой ищет, а его – то и нет! Мы их оставили по другую сторону гривы, откуда выезд на дорогу.

– Конечно! Нашел заблудившегося! Это ты сам всё спутал.

– Я уже возвращался к месту стоянки, но грибов набрал мало, вот и заглядывал под кусты вдоль просеки и тут слышу знакомый «голос» мотоцикла. Я за кусты присел, а Сашка мимо меня едет и эдак недоуменно смотрит: «Куда это, мол, я попал. Дороги – то не узнаю». Так бы и уехал в Новосибирскую область, если бы я его не окликнул. Потом ещё вдвоем еле – еле его мотоцикл умудрились развернуть. Просека – то давно не чистилась, поросла вся, тесно! Они всегда ездили по грибы только вдвоем, никогда

не выдавая «чужакам» свои «Рыбные места». Да что там «чужакам»! Они друг от друга их держали в тайне.

Приедут в лес, поставят в безопасное высокое место оба мотоцикла рядышком, а потом один спускается по правую

сторону гривы, другой по левую. Так и ходят в одиночку. Возвращаются всегда в одно и то же, давно оговоренное время. И стоит только кому – то из них задержаться больше чем на полчаса, тут же появляется очередная шутка о «заблудившемся» грибнике.

Было так много лет подряд, но вот однажды, когда они возвращались домой, на кочке мотоцикл Александра Федоровича подбросило и тот довольно жестко приземлился, а Александр Федорович почувствовал, как сотрясся весь его кишечник и после этого никак не успокаивался, создавая дискомфорт.

Дома Александр Федорович рассказал о случившемся жене. Если бы все обошлось только этим, он бы никогда женщине не пожаловался, а тут ни с того – ни с сего случился запор и довел мужика до жутких болей. Пришлось вызывать скорую помощь. Врачи скорой выслушали всё, включая предположение больного, что у него на кочке «перевернулись кишки» и увезли с собой.

На поверку оказалось, что у Федоровича онкология в запущенной стадии и в несколько дней его не стало.

Так Александр Михайлович потерял своего единственного друга и напарника по поездкам в лес.

Но душу лесного человека этим обстоятельством не унять, он продолжает рваться туда, где ей так хорошо! Только в одиночку, в преклонном возрасте он ездить в лес не рисковал.

Подумав, внимательно оглядев цеховых работников, Александр Михайлович подошел к двум мужикам, работавшим уже далеко не первый год в цехе, спокойным, не пьющим, серьезным в работе и доброжелательным в отношениях с другими. Один мастер участка Дубовенко Володя, другой наладчик Костомаров Борис.

– Мужики! У меня к вам предложение. Давайте сгоняем в лес за опятами! Как вы на это смотрите?

– Я бы со всей моей радостью, только у меня две «затыки». Первая – я вырос в безлесном краю и в лесу не ориентируюсь абсолютно.

Если можно быть в лесу на расстоянии видимости, то я за! Вторая – у меня нет своего транспорта.

– Это небольшая проблема, говорит Папин. У меня мотоцикл с коляской, а в пределах видимости находиться тоже реально. Мы поедем за опятами. Это белые надо искать по всему лесу, а где брать опята я места знаю.

– Дядь Саша! Транспорт вообще не проблема, – начал говорить Дубовенко. У меня же «москвичек», так что прокатиться можно с комфортом, но я не знаю: сможем мы на машине подъехать к грибным местам?

– Да! Практически везде можно на машине подъехать. Мы с Федоровичем, в свое время, исколесили весь бор на мотоциклах, а везде рядом с нами стояли автомобили.

– Значит договорились! Завтра в пять утра выезжаем!

– Дядь Саша! А не рано? Я ещё не видел, чтобы опятами

на рынке торговали.

– Когда дождешься, можно будет уже не ехать, там все будет порезано и потоптано. А завтра утром мы можем застать первый слой опят: свежих, не «лапушистых», то есть не переросших. Их можно и на жарку, и на маринование, и засушить, а крупные – только на икру. Так что ждать некогда!

– А в пять не рано, ведь уже почти осень, темно в это время!

– Мы пока доедем, солнце уже взойдет, а позже приедем могут все места оказаться занятыми.

Утром следующего дня втроем приехали на место, которое указал пригласивший.

Это место не очень далеко. От основной трассы свернули на гравийную дорогу и, проехав по ней километров двенадцать, остановились на лесной поляне. Вдоль этой поляны дальше тянулась грунтовая накатанная дорога.

– Дядя Саша! А куда эта дорога идет?

– Да никуда она не идет, это подъезды к совхозным полям. Здесь они обычно сеют овес, кукурузу, подсолнухи на силос, горох на корм, чередуя по годам.

– А гравийная дорога куда проложена? – Сейчас и не отвечу. Когда – то там, километрах в пятидесяти, находился конезавод, дальше него в ту же сторону если ехать, можно было в Новосибирск уехать. А последние годы видел только сельхозтехнику в страду, полевой стан у дороги во время уборки, да изредка лесовозы, идущие из дальнего лес-

промхоза, лес вывозят.

За разговорами они вышли из машины, взяли с собой ножи, сумки, и, закрыв на ключ двери машины, пошли в направлении, указанном Папиным.

– Вот как раз вдоль этой грунтовки, про которую вы спрашивали, мы и будем собирать опята. Здесь, вглубь леса примерно метров десять, стоит ряд старых березовых пеньков, обычно сильно поросшие грибами. Но всяко может быть, возможно пеньки уже столь старые, что на них грибов не будет, но вы не расстраивайтесь. На земле, по корням смотрите. Там точно будут опята. Теперь, прежде чем войти в лес, я вам расскажу, что это не лес, как таковой. Правильнее всего можно назвать «колки» между полями. Самый большой лесной массив метров пятьдесят вглубь тянется, а потом выходит в поле. Потеряться невозможно, а этот колок в глубину не больше метров двадцати.

И грибники пошли в указанном направлении по пенькам. Те были с грибами, но, в самом деле, старыми. Грибов было мало, а стоило присесть в траву, которая была не густой, поскольку сверху накрывалась высокими, красивыми и густо растущими листьями папоротника, там, под папоротником находился настоящий «грибной магазин», где в виде платы за товар брали труд нарезания грибов.

В считанные минуты все трое нарезали по полной сумке крепких, свежих, с малюсенькой шляпкой на длинной ножке опят.

– Ну что, как успехи, парни? – спросил Папин.

Вместо ответа оба других подняли над головой полные сумки грибов.

– Так, теперь идем в следующий колок!

Перейдя узкую врезку овсяного поля остановились у колка.

– Я сейчас, – сказал Александр Михайлович и, подойдя к овсяному полю размашистым жестом обеих рук, сгрёб в охапку колосья овса. Сомкнув ладони, ободрал зерна и стал их перетирать в своих ладонях, периодически их продувая. В этот момент из ладоней вылетала полова и ость в большом количестве.

Потом он стал очень внимательно рассматривать содержимое своих ладоней.

– Тут важно, чтобы ость случайно не осталась, а то и до беды недолго. Она в рот попадет, а обратно её можно и не достать. А острая, запросто может кишечник повредить!

Удостоверившись, что зерно чистое, дядя Саша с размаху забросил его себе в рот.

Сквозь жевание он сказал:

– Еще не дошло до зрелости, мягковато, недельку должно постоять, как минимум. Зато в это время на зерновые поля собирается всякая лесная живность. Тут и птица кормится, и грызуны запасы на зиму делают, и крупный зверь подъедается: олени, лоси там всякие, медведь нередко в зиму жир

нагулять тоже приходит.

– Что, прямо – таки медведь?

– Да, а ты что думал? Это еда сытная. Особенно овес!

Разговор не мешал основному занятию, для чего мужики приехали, поскольку здесь пеньки были свежее, да и прямо по стволам берез и осин росло множество опят.

Чтобы не таскать с собой лишний груз, свои первые сумки, парни оставили у грунтовой дороги и во второй колок зашли налегке. Здесь же очень быстро наполнили ещё по одной сумке и уперлись в бурелом.

Дядя Саша говорит:

– Нам надо его обойти, там должно быть много опят.

Завал оказался странным. Он в центре небольшой лесной поляны лежал полукольцом, открытым в противоположную от грибников сторону.

Первым добрался до края завала пригласивший всех Папин.

Он как – то вздрогнул и замер.

– Ты что, дядь Саша?

– Да мы кого – то спугнули. Видать сохатый отдыхал здесь.

Место – то уютное, закрытое с двух сторон буреломом, по краям густые деревья с кустарником, а посередине ровная поляна. Да ещё и харчи под боком: вот он овес!

Поляна оказалась вся выкатана. Видать зверь не просто отдыхал, а ещё и паразитов из себя изгонял. Место было ровное, можно даже сказать, что почти без травы, так зверь по-

старался, а по торчащим кое – где сучкам висели клочки его коричневой шерсти. А вот по окраине поляны было несколько больших пней, полностью покрытых опятами, и довершала картину здоровенная березовая лесина, преломленная на высоте метра два. Торчащий из земли ствол и остальная её длина, упирающаяся в землю, сплошь были поросшими грибами.

Вот уж где можно было повеселиться от души!

Нарезав ещё по полной сумке, и под завязку набив рюкзаки, грибники пошли на выход из леса.

Не лезть же снова через бурелом. Они пошли прямо, вышли на дорогу и, повернув в обратную сторону, двинулись в направлении стоявшей не так далеко машины. Здесь грунтовая дорога давно не использовалась по назначению и была сильно заросшая травой, покрывавшей песчаный грунт.

На участке, где трава отступила от дороги, дядя Саша остановился.

– М-да! Похоже там не сохатый себе лежку устроил.

– А кто по – вашему?

– А вот, смотрите...

И он указал на дорогу, а на ней, пустой от травы, были четко видны два крупных округлых отпечатка, по верху которых шли следы от больших когтей!

– Это кто, мишка что – ли? Ничего себе! Чуть ли не вплотную к дороге устроился! Тут ведь и грунтовка и гравийка со-

всем близко, ничего не боится!

Открытие было очень неприятным. Но самое неприятное было в том, что мишкины следы тянулись в сторону стоящей в пределах видимости машины, и что им именно к ней надо идти.

Грибники очень осторожно и очень внимательно двинулись к машине. Вот они уже проходят то место, откуда начали сбор грибов и где оставили свои сумки, полные добычи.

– Сумки забирать будем? – тихо спросил Борис.

– Да ну их к черту! Жизнь дороже! Вдруг он сейчас ест наши грибы. Так что, пока он ест, мы лучше уедем отсюда, – сказал Володя.

Так, осторожно продвигаясь по медвежьим следам, они подошли к машине. Здесь следы сделали обход вокруг машины и направились в лес.

Стараясь сильно не шуметь, мужики открыли двери машины, втиснулись в неё вместе с рюкзаками и сумками, а потом быстро захлопнув двери, завели двигатель и резко стартовав, рванули, как можно быстрее с этого опасного места.

И только в понедельник, все встретившись живыми и здоровыми на работе, они пожалели, что так и оставили три сумки, полные грибов на откорм хозяину тайги.

Январь 2020

Две оды. Житейские повествования.

Ода первая. МОЛОКО.

Мой отец, будучи человеком не особо притязательным к

еде, тем не менее любил два продукта.

Первый из этих продуктов – молоко.

Ну и чего особенного, скажите вы? Все любят молоко!

Но, во – первых, не все. Вот я, например, его не то, что не люблю, я его вообще не потребляю. Ну, если только примененным в каком – либо блюде. А во – вторых, так как любил молоко мой отец я больше никого не встречал.

Конечно, в отличии от меня он ребенком рос в деревне, а там без молока никто не жил. Но мой отец его любил настолько, что не мог даже сказать в каком виде оно ему более приятно.

Он пил парное, сразу из – под коровы, когда в нем ещё живо тепло животного и оно всё исходит ароматами разнотравья.

Он пил молоко охлажденным, доставая трехлитровые банки с низко расположенных в колодце полочек, где оно остывало и хранилось. Тогда ещё не было у бабули холодильника. И прямо из горлышка, начиная с отстоявшихся сверху жирных сливок, выпивал сразу целую банку молока.

Он любил простоквашу. Молоко прокиснет, потом свернется в довольно твердую белую массу, сверху выступают всё те же сливки, тонкий слой которых успевал в теплом помещении слегка растопиться и превратиться в топленое сливочное масло. Он брал столовую ложку и, вырезая из плотной домашней простокваши большущие куски отправлял их себе в рот. И его лицо приобретало выражение довольного

своей жизнью упитанного кота, греющегося на солнышке. Он любил кипяченое молоко и в горячем, и в прохладном, и в холодном виде. Особое удовольствие ему доставляло, когда попадались пенки.

Отец получал истинное удовольствие смакуя их вкус на языке!

Безмерно он любил молоко и виде молочного киселя. В отличие от отца мама молоко не любила, не пила, запах кипяченого молока она переносила с трудом. А вид молочного киселя ей был настолько неприятен, что она отказывалась его готовить. Тогда папа «напрягал» дочь, мою сестру, принадлежащую тоже к «млекопитающей» породе. Та варила им кисель на двоих, и потом они вдвоем получали наслаждение от любимого блюда.

Отдельно нужно упомянуть молочную кашу из манной крупы. Это не была каша типа молочного супчика, и не была, как называют казахи «кёже» – каша – размазня. Это была такой консистенции каша, что в неё сложно было воткнуть ложку. Плотная, тугая. Она резалась им ножом на тонкие длинные кусочки и вилкой поглощалась вовнутрь. Ну прямо какой – то манно – молочный пирог.

Было ещё одно, так сказать, агрегатное состояние молока, когда оно уже не свежее, но ещё не простокваша. Состояние, когда молоко только прокисает. У него появляется специфический тяжелый запах, в емкости образуются «зерна» будущей простокваши, плавающие отдельно. Если вы спро-

сите у врача – диетолога или просто специалиста по молоку: «Можно ли потреблять молоко в таком виде?», то услышите однозначный короткий ответ: «Нет!» В таком виде оно несет опасность пищеварению человека, кишечник будет обязательно пучить, ну а итог можно и не описывать.

Тем не менее именно в таком виде мой отец молоко пил у меня на глазах, а на мое замечание, что такое молоко пить нельзя в принципе, он ответил: «А чем оно отличается от другого? Такое же вкусное!»

И так о нежной любви к молоку моего отца я рассказал. А вот второй продукт, который он любил не меньше молока – это квас!

Ода вторая. КВАС.

К квасу не только отец, но и я тоже относился положительно. И это не удивительно. Мое детство и отрочество прошло в довольно жарком и излишне засушливом Центральном Казахстане.

Обычно весна там заканчивалась в апреле – начале мая. Тогда вся степь была зеленой от травы и разноцветной от цветов. К середине мая весенняя влага из почвы испарялась и начиналась засуха. С середины мая по середину августа с неба не падало почти ни единой капли влаги. Если в такую жару пить простую водопроводную воду, то быстро наступает физическая слабость. Чтобы избежать этого хорошим средством был квас.

Но мой отец квас пил не только по этой причине, он квас

очень любил!

Готовил квас он только сам по своему рецепту. Тот получался красивого красно – коричневого цвета, без намека на какую – либо сладость, а ядреный такой, что по резкости ему и шампанское бы уступило. Подготовка к варке кваса был сложный процесс.

Вначале из ржаного хлеба поджаривались сухарики до румяности. Пережарить было ни в кем случае нельзя. Вкус портился, приобретал запах горелого хлеба. А цвет становился не аппетитным – черным, как растворенный в воде уголь.

Сухого кваса в продаже не было, и отец ставил закваску на сухарях.

Для лучшего брожения сухари частично размалывались и было очень интересно наблюдать как в бродившем иле образуется некая трещинка, она прямо на глазах разрасталась, увеличиваясь в размерах и набирая силу. В определенный момент наступал взрыв этого пузыря и вверх стремительно несло содержимое пузыря: газы брожения, закваска... Всё поднималось вверх, перемешивалось и начинало оседать, а в это время образовывалась новая трещинка.

Но самый первый квас начинал бродить с добавлением дрожжей. Квас получался несколько мутноватым и не самого лучшего вкуса, оставался привкус бродивших дрожжей. Но для отца невкусного кваса, так же как невкусного молока не существовало. Он пил и такой квас с большим удовольствием, а чтобы в дальнейшем этого избежать, отец брал уже

единожды перебродившую квасную массу и её использовал в последствии как закваску.

А тут только начало лета, первая банка поставлена...

Пошло три дня, обычный срок готовности кваса, а банка бродит!

Отец несколько обескуражен, но больше расстроен. После жаркого дня, придя с работы, он всегда любил выпить пару кружечек приятного резкого кисленького напитка. Поэтому он ждал готовности кваса, а тот всё продолжает бродить.

На следующий вечер он вновь, придя с работы, первым делом проверил свою закваску. Банка стояла мутной, запах бражки не уходил.

– Сын, сказал он мне, пусть ещё постоит до утра, а утром ты аккуратно слей квас. Закваску оставь. Я на ней новую банку заведу, а сам квас поставь в холодильник. Хватит уже ему выбраживать!

Я всё сделал как мне было поручено. Вот только получившийся напиток я попробовал на вкус. Он мне не понравился: резкости, кислоты в нем не было, не было и присущей квасу красоты напитка, он по – прежнему оставался мутным и в нем присутствовала не приятная горечь.

Вечером вернулся с работы отец, когда мама ещё не пришла из школы. Она работала во вторую смену.

– Ну что, слил квас?

– Да! А ещё попробовал. Мне не понравился.

– Да ладно! Квас, как и молоко, плохим не бывает! Неси

банку и кружку!

Я выполнил его поручение.

Отец налил себе большую кружку кваса, сделал пару больших глотков и остановился.

– Неси вторую кружку, соль, хлеб и бегом на огород за луком!

Я мигом выполнил задание.

– А теперь садись, сказал он, налил мне полную кружку и долил себе.

Когда мама пришла с работы трехлитровая банка кваса была полностью выпита. Отец спал на кровати, стоявшей на веранде, а я в квартире на диване.

Разборки с мамой отцу предстояли тяжелые, а оправдание отца, что он, по всей видимости, переложил дрожжей, его вину только усугубило.

Зато всё остальное время летом мы пили настоящий, ядреный квас по рецепту моего отца.

08.03.2020